

УДК 008

DOI 10.23683/2227-8656.2019.5.4

**Ю.А. ЖДАНОВ И ИСЛАМСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЮГЕ
РОССИИ: СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**YU.A. ZHDANOV AND ISLAMIC
RESEARCH IN THE SOUTH
OF RUSSIA: STATUS
AND PROSPECTS**

Добаев Игорь Прокопьевич

Доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет,
эксперт, Российская академия наук,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: dobaev@gmail.com

Igor P. Dobaev

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Southern Federal University, expert of the
Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: dobaev@gmail.com

Анализируются важные проблемы и перспективы исламских исследований на Юге России. Показано влияние деятельности Ю.А. Жданова на становление и развитие исламских исследований в Южном федеральном университете. Отмечается важность и необходимость исламских исследований для предотвращения терроризма.

The important problems and prospects of Islamic studies in the south of Russia are analyzed. The influence of Yu.A. Zhdanova on the formation and development of Islamic studies at the Southern Federal University is demonstrated. The importance and necessity of Islamic studies to prevent terrorism is noted.

Ключевые слова: исламские исследования; Юг России; терроризм; Ю.А. Жданов.

Keywords: Islamic studies; South of Russia; terrorism; Yu.A. Zhdanov.

Ю.А. Жданов, будучи ректором Ростовского государственного университета (РГУ), а затем председателем Северо-Кавказского научного центра высшей школы (СКНЦ ВШ), внес огромный вклад в развитие отечественной науки и образования. Благодаря ему не только РГУ превратился в авторитетный центр фундаментальных и приклад-

ных исследований, но и в других субъектах Юга России произошло наращивание качественного научного и образовательного потенциала.

Ю.А. Жданов планировал также создать на базе РГУ солидную востоковедческую школу, которая могла бы конкурировать с лучшими учебными и научными заведениями Москвы и Ленинграда (ныне – Санкт-Петербург). В рамках такого направления, по мысли Жданова, должно было развиваться и исламоведение. Недаром на рабочем столе Юрия Андреевича постоянно можно было видеть монографию знаменитого швейцарского исламоведа Адама Меца «Мусульманский ренессанс», выдержки из которой Жданов часто цитировал. Однако в советский период реализовать этот замысел в силу ряда причин не представилось возможным, хотя актуальность данной сферы никогда не вызывала сомнений, учитывая геополитическое положение.

Как известно, российское исламоведение имеет давнюю историю и накопило солидный запас знаний, что признается мировым научным сообществом. Большой вклад в изучение ислама внесли дореволюционные отечественные исламоведы, востоковеды и философы: В.В. Бартольд, В.А. Жуковский, Е. Крымский, Н.А. Медников, В.Р. Розен, Г.С. Саблуков, В. Славьев, Ч.Э. Торнау, А.Э. Шмидт и др. В советский период продолжали фундаментальные и прикладные исследования прежде всего московский и ленинградский исламоведческие центры, среди выдающихся ученых этого периода следует назвать Е.А. Беляева, А.Е. Бертельса, О.Г. Большакова, Л.К. Климовича, И.Ю. Крачковского, Л.В. Негря, Н.А. Смирнова, И.П. Петрушевского, М.Б. Пиотровского, Л.В. Прозорова, Р.И. Султанова, Е.А. Фролову и др. В позднесоветский и постсоветский периоды этими проблемами занимались А.В. Васильев, Л.С. Васильев, А.А. Игнатенко, Г.М. Керимов, Н.С. Кирабаев, С.А. Кириллина, Р.Г. Ланда, А.В. Малашенко, Л.И. Медведко, Д.В. Микульский, Г.В. Милославский, В.В. Наумкин, Л.Р. Сюкияйнен, А.Ю. Умнов, Р.М. Шарипова и многие другие.

Интересные публикации по современным политическим проблемам ислама, в том числе на Северном Кавказе, принадлежат представителям ряда гуманитарных институтов РАН: В.О. Бобровникову, Н.М. Емельяновой, А.В. Кудрявцеву, Д.В. Макарову, Д.Б. Малышевой, К.И. Полякову, С.М. Червонной, А.А. Ярлыкапову и др. Эти ученые, ранее в основном исследовавшие проблемы мусульманского зарубежья, в числе первых в нашей стране в постсоветский период приступили к изучению состояния и развития ислама, прежде всего его политизированных форм, в Северо-Кавказском регионе.

На региональном (северокавказском) уровне серьезный вклад в осмысление проблем ислама внесли М.А. Абдуллаев, А.В. Авксентьев, М.В. Вагабов, М.Б. Мужухоев, М.Н. Османов, Р.А. Ханаху, А.Р. Шихсаидов и др. Однако ученые-исламоведы региона, подавляющее большинство которых являются представителями Дагестана, вплоть до середины 90-х гг. XX в. в основном либо делали упор на изучение доисламского наследия или средневекового ислама, либо рассматривали ислам в контексте культурологической проблематики.

Только в последние два десятилетия появились исследования ученых региона, напрямую касающиеся проблем в современном исламе на Северном Кавказе и воздействия их на социально-политический процесс. Среди них следует, прежде всего, назвать З.М. Абдулагатова, В.Х. Акаева, З.С. Арухова, Э.Ф. Кисриева, Е.В. Кратова, С.А. Ляшеву, Г.А. Мурклинскую, К.М. Ханбабаева.

В этот же период в Северо-Кавказском регионе благодаря личным усилиям конкретных ученых создаются неформальные научные структуры по изучению ислама. Речь, в частности, идет о Центре исламских исследований при Дагестанском государственном университете, у истоков которого стояли министр по делам национальностей РД, крупный ученый-востоковед З.С. Арухов¹ и авторитетный в регионе исламовед, профессор ДГУ М.В. Вагабов, а также о Региональном центре этнополитических исследований ДНЦ РАН. Учеными этих центров во взаимодействии с бывшим комитетом по делам религий РД подготовлены и опубликованы многочисленные монографии и сборники научных статей, проведены научные конференции, семинары, круглые столы.

В других субъектах ЮФО, в том числе и в северокавказских республиках, успехи в теоретическом и прикладном исламоведении значительно скромнее, нежели в Дагестане. Тем не менее и здесь имеются, пусть и немногочисленные, исследователи мусульманства. Речь, прежде всего, идет об ученых из Чечни, Карачаево-Черкесии, Адыгеи и Астраханской области.

В позитивном смысле на общем южнороссийском фоне в постсоветский период выделилась Ростовская область, где в течение последних двадцати лет активно осуществляются исламские исследования. Важной вехой явился 1999 г., когда на базе ИППК Ростовского государственного университета при активной поддержке Ю.А. Жданова был создан Центр системных региональных исследований и прогнози-

---

¹ Загир Сабинович Арухов трагически погиб 20 мая 2005 г. от рук террористов.

рования (ныне – Центр региональных исследований), руководителем которого вплоть до преждевременной кончины в феврале 2018 г. являлся авторитетный кавказовед В.В. Черноус. С 2001 г. центр под рубрикой «Южнороссийское обозрение» начал издавать сборники научных статей, монографии и учебные пособия. За годы своей деятельности центром выпущено 98 изданий, из них 10 – непосредственно по исламской проблематике. Проведено несколько научных конференций, семинаров, круглых столов на данную тематику.

В 2000 г. автором данной статьи в диссертационном совете Северо-Кавказской академии государственной службы была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему «Исламский радикализм в международной политике (на материалах Ближнего, Среднего Востока и Северного Кавказа)». Ведущей организацией был определен Институт Кавказа при СКНЦ ВШ, директором которого являлся авторитетный ростовский ученый Н.С. Авдулов. В этот период и состоялось мое личное знакомство с Ю.А. Ждановым, который, ознакомившись с материалами диссертационной работы, живо интересовался направлениями дальнейших исследований по теме. В 2003 г. в ИППК РГУ (ныне Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета) была защищена докторская диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук на тему «Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика». Юрий Андреевич принял активное участие в заседании совета, а также в обсуждении представленной работы, высоко оценив ее актуальность и качество.

Постепенно под моим руководством сформировался слой молодых ученых-исламоведов. За прошедшие годы защитили диссертации на соискание ученой степени кандидатов политических и социологических наук С.Е. Бережной («Исламский фундаментализм на Северном Кавказе»), Х.Т. Курбанов («Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика»), Р.Ф. Патеев («Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность»), Э.Ф. Шарафутдинова («Этноконфессиональный фактор в чеченском конфликте: политологический анализ»), А.В. Сухов («Исламские движения в Центральной Азии и на Северо-Восточном Кавказе: сравнительно-политологический анализ»), О.В. Рябцев («Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России (на примере крымско-татарского национального движения)'), Н.Е. Романченко («Террористические исламистские религиозно-

политические организации на Северном Кавказе: институционально-политологический подход»), Р.Г. Гаджибеков («Внутренние факторы влияния на процессы политизации и радикализации ислама в Российской Федерации»), Н.А. Анисимова («Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе: причины формирования и стратегии противодействия»), А.Ю. Круглова («Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на Юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия»). В настоящее время они работают в органах власти и управления, в научных и образовательных учреждениях, проходят службу в силовых структурах. Р.Ф. Патеев, например, сегодня возглавляет Центр исламских исследований при Президенте Республики Татарстан, успешно работает над докторской диссертацией.

Однако, несмотря на определенные достижения в исламских исследованиях на Юге России, в Ростове-на-Дону, в частности, очевидны и недостатки. Так, до сих пор в регионе практически отсутствуют официальные структуры исламских исследований в рамках высших учебных и научных заведений, которые бы имели прямое государственное финансирование. Отдельные ученые или их коллективы занимаются этими вопросами, как правило, по собственной инициативе. Все попытки преодолеть этот пробел, в том числе и в рамках региональных научных центров РАН, до сих пор остаются безуспешными. Между тем ситуация, связанная с так называемым исламским фактором на Юге России, далека от идеала.

подавляющее большинство населения республик Северного Кавказа исповедует ислам суннитского направления ханифитского и шафиитского толков. Ханифитского мазхаба придерживаются в основном большинство верующих татар, кабардинцев, адыгейцев, черкесов, абазин, балкарцев, карачаевцев, ногайцев, осетин, туркмен, крымских татар, азербайджанцев-суннитов. Шафиитскому мазхабу следуют представители большинства коренных народов Дагестана (кроме ногайцев), чеченцы и ингуши. В других субъектах Юга России, как правило, проживающие там мусульмане являются суннитами-ханифитами.

Численность последователей ислама шиитского толка на Северном Кавказе незначительна и представляет собой небольшую часть лезгин и даргинцев, а также большую часть азербайджанцев. Они живут в основном на территории Южного Дагестана.

На Северном Кавказе имеются также приверженцы немечетного ислама, представленного различными суфийскими орденами (тарика-

тами). Особенно широко он распространен у дагестанцев, чеченцев и ингушей, большим влиянием среди которых пользуются братства орденов накшбандийя и кадирийя (а в Дагестане еще и шазилийя), кадирийцев часто называют зикристами.

В современных условиях на Юге России действуют 11 духовных управлений мусульман (ДУМ). Мусульманские организации региона координируются тремя центрами: Координационным центром мусульман Северного Кавказа (КЦМСК), а также Центральным духовным управлением мусульман России (ЦДУМ, г. Уфа, верховный муфтий Т. Таджуддин) и Духовным управлением мусульман европейской части России (ДУМЕР, г. Москва, муфтий Р. Гайнутдин, он же возглавляет Совет муфтиев России).

Вместе с тем при бурном росте исламского самосознания северокавказских народов сохраняется религиозная безграмотность населения. Традиционные ДУМ не владеют ситуацией в должной мере. Экстремистские религиозные течения (так называемые исламисты) имеют серьезную идеологическую, организационную, а иногда и финансовую подпитку из ряда арабских и других исламских государств. Внедрение исламистами ценностей «чистого ислама» ведет к изменению этнической идентичности местных мусульман с северокавказской (южнороссийской) на арабскую (аравийскую). Данное обстоятельство способствует ожесточенной конфликтности между мусульманами-традиционалистами и их «арабизированными» оппонентами. В то же время у региональных духовных управлений есть множество нерешенных проблем, что связано с отсутствием до сих пор полноценной государственной политики, которая пока еще находится в стадии формирования.

Несмотря на рост количества исламских учебных заведений на Северном Кавказе, качество образовательного процесса все еще остается не на должном уровне, что до сих пор является одной из причин выезда молодых мусульман на обучение в зарубежные образовательные центры. Так, по оценочным данным, в течение 1990-х гг. более 4 тыс. молодых людей получили исламское образование за рубежом. Определенная часть молодежи была обработана в радикальном ключе. Их последующая после возвращения на родину деятельность, как правило, входила в противоречие с традиционными на Северном Кавказе течениями ислама.

Сегодня в России в целом работают более 2 тыс. имамов, получивших образование за рубежом. Около 3 тыс. шакирдов (студентов) в настоящее время продолжают обучение за рубежом, из них менее 10 % –

по официальным направлениям муфтиятов. Это свидетельствует о том, что государство недостаточно контролирует процесс направления молодежи за рубеж для получения мусульманского образования со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Наряду с возрождением и заметной политической активизацией традиционного ислама, прежде всего так называемого официального ислама в лице ДУМ и контролируемых ими структур, на Северном Кавказе постепенно пытается утвердиться малоизвестное здесь течение в исламе – «ваххабизм» («чистый ислам», салафизм), представляющий собой радикальное религиозно-политическое движение в суннитском исламе. В России исламизм, в том числе в радикальных формах, начал распространяться при возрожденческих процессах в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., при активном влиянии из-за рубежа. Крупнейшим материальным и идейным внешним спонсором распространения радикального исламизма в Российской Федерации стала Саудовская Аравия, а также некоторые другие государства Ближнего Востока. Именно экспансия саудовского варианта ислама («ваххабизма») стала прологом к усилению сначала социальной конфликтности, а затем и политического радикализма исламистских групп во многих республиках Северного Кавказа. Последователи «ваххабитов» стремились к силовому захвату власти, замене действующего законодательства нормами шариата и построению в перспективе на ряде территорий Кавказа и Поволжья исламского халифата. Идейная и политическая позиция псевдоваххабитов, а также сильное иностранное влияние породили внутренний конфликт в мусульманских общинах Северного Кавказа.

С действиями представителей радикального ислама связаны эскалация вооруженного конфликта в Чечне, открытые вооруженные выступления и террористические акты во многих других северокавказских республиках, а также за их пределами. В настоящее время, хотя принятые государством меры привели к снижению потенциала и деградации террористических «джамаатов», окончательно вопрос еще не решен. Радикальные исламисты «осетевились», чаще всего представляют собой «спящие» террористические ячейки, имеющие целью совершение небольшого количества, а иногда даже одной, террористических атак. Сетевой принцип построения таких групп позволяет им действовать достаточно конспиративно, что затрудняет их обнаружение и нейтрализацию.

Актуальной представляется официальная статистика специфической политической практики аналогичных групп радикальных ислами-

стов за рубежом. Так, например, Национальный антитеррористический центр США (НАСТС) в мае 2009 г. опубликовал доклад, в котором приводятся статистические данные о террористических нападениях в мире за 2008 г. Согласно докладу, в 2008 г. имело место 11 800 терактов, в то время как в 2007 г. – 14 500, в 2006 г. – 14 000, в 2005 г. – 11 000, а в 2004 г., по данным Госдепартамента США, не учитывавшего теракты в Ираке, – 3192. Наибольшее количество террористических атак в 2008 г. – 4600 (40 %) – было совершено в странах Ближнего и Среднего Востока, хотя в Ираке 2 года подряд, в 2007–2008 гг., их число снижалось. В то же время в странах Южной Азии (Пакистан, Индия) и в Афганистане их количество увеличилось в 2 раза. Террористические акты в Ираке, Афганистане и Пакистане составили 55 % от общего числа терактов в мире. В Африке зафиксирован 140%-й рост террористической активности в Сомали и Демократической Республике Конго. В Западной полушарии в указанный период отмечено сокращение числа терактов на 25 %, а в странах Юго-Восточной Азии и Тихого океана – на 30 %. В 2008 г. значительно возросло число случаев похищения террористами людей. Так, в Пакистане оно увеличилось на 340 %, в Афганистане – на 100, в Индии – на 30, в других странах Южной Азии – на 45 % (Добаев, 2014. С. 198).

Что касается официальных статистических данных по террористическим проявлениям в Российской Федерации и Северо-Кавказском регионе, то пик пришелся на 2005 г. Тогда в РФ был зафиксирован 251 теракт, из них более 90 % – против сотрудников правоохранительных структур и органов исполнительной власти в Южном федеральном округе. В последующие два года в русле данных официальной статистики наблюдалось неуклонное снижение числа террористических акций. Так, в 2006 г. было отмечено 112 терактов, из них вновь не менее 90 % отнесены к Югу России. В последующие годы официальная статистика свидетельствовала о дальнейшем спаде террористической активности. Такая динамика дала основание некоторым экспертам утверждать, что наступил перелом, а в перспективе террористическая активность будет сведена на нет (Добаев, 2010. С. 11).

Однако следует подчеркнуть, что в связи с изменениями, внесенными в уголовное законодательство в 2006 г., понятие террористического акта значительно сузилось. Для квалификации преступления как террористического акта обязательным стало наличие цели воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями. Поэтому, как это ни странно, террористические акты в нашей стране с этого периода стали довольно редким преступлением. Так, в

2007 г. – только 48 терактов, т. е. впятеро меньше, чем в «лихом» 2005 г., и более чем вдвое меньше по сравнению с 2006 г. В 2008 г. в Российской Федерации было зафиксировано всего 2 теракта (по одному – в Дагестане и Северной Осетии – Алании) (Добаев, 2014. С. 193–195).

Тем не менее в 2009 г. мы вновь явились свидетелями своеобразного возвращения в 2005 г., хотя в цифровом исчислении по отмеченным выше причинам количество терактов выглядит достаточно скромно. Так, например, в 2009 г. в Российской Федерации было зарегистрировано всего 6 терактов (по два – в Дагестане и Чечне, по одному – в Ингушетии и Тверской области), в 2010 г. – уже 23 теракта (11 – в Дагестане, 3 – в Ставропольском крае, по 2 – в Москве и Ингушетии, по одному – в Санкт-Петербурге, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии – Алании, Краснодарском крае и Орле).

Однако если обратиться к статистике, озвученной в тот период времени правоохранительной системой ЮФО, то можно утверждать, что ситуация в 2009 г. на территории округа характеризовалась резким усилением террористической активности со стороны незаконных вооруженных формирований: было совершено 641 посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих (в 2008 г. – 491, рост составил 30 %). Только в 2009 г. по Южному федеральному округу погибли 251 сотрудник правоохранительных органов и военнослужащий, а также 32 гражданских лица (в 2008 г. соответственно 210 силовиков и 12 гражданских), ранены 727 сотрудников и 85 гражданских лиц (в 2008 г. – 484 силовика и 68 гражданских). В 2010 г. было заведено 23 уголовных дела по статье 205 УК РФ (терроризм), однако зафиксировано 273 взрыва и 492 обстрела, подорвали себя 14 террористов-смертников. В результате погибли 410 человек, а более тысячи получили ранения (Добаев, 2014. С. 196).

Таким образом, диверсионно-террористическая активность радикальных исламистов в 2000-х гг. по-прежнему выступала значимым фактором дестабилизации политических процессов на российском юге. Практика перекалфикации террористических атак на другие статьи Уголовного кодекса РФ не уменьшила накал терроризма, а только камуфлировала реально складывающуюся ситуацию, дезориентируя органы власти и управления, а также тех, кто ведет реальную борьбу с террористами.

Однако к концу второго десятилетия XXI в. повсеместно ситуация стала меняться в лучшую сторону. Так, французский Центр по изучению проблем терроризма Jane's (JTIC) международной экспертной компании IHS Markit опубликовал доклад, в котором говорится о

снижении количества террористических актов в мире на треть. «На протяжении 2018 года JTIC зарегистрировал 15 тысяч 321 теракт, совершенный неправительственными вооруженными группировками. В результате этих атак погибли 13 тысяч 483 человека, не являющихся военнослужащими. Количество терактов существенно ниже – на 33,2 %, чем число зарегистрированных в 2017 году атак. Это самый низкий показатель с 2011 года», – заявил руководитель центра М. Хенман. Сократилось и количество жертв терактов: в 2018 г. погибло на четверть меньше людей, чем в 2017 г. Снизилось и количество атак, совершаемых ИГ (запрещенной в РФ). Самой опасной страной в мире по-прежнему остается Афганистан, только за прошлый год в нем из-за терроризма погибли 4180 человек. Аналитики JTIC связывают такие результаты с международной борьбой с терроризмом на глобальном уровне. Всего, по данным аналитического центра, в 2018 г. в 90 странах мира действовали террористические группировки, в 2017 г. – в 116 странах (Режим доступа: <http://www.ncpti.su/news/6772>).

В лучшую сторону изменилась ситуация и в Российской Федерации, что связано, прежде всего, с тем, что российские органы безопасности и силы правопорядка в последние годы заметно активизировали свою деятельность. Так, секретарь Совета безопасности России Н. Патрушев заявил, что в 2018 г. в России совершено 9 преступлений террористической направленности и только один теракт, а в мире наблюдается тенденция снижения террористической активности. Такие показатели Патрушев связывает с эффективной работой спецслужб и правоохранительных органов в нашей стране. В общей сложности за 2017 г., по его словам, предотвращено 36 преступлений террористической направленности, в том числе 20 терактов. Секретарь Совета безопасности также отметил, что если в 2014 г. число терактов в мире достигало почти 16 тыс., то в последние годы отметка упала приблизительно до 10 тыс. На Ближнем Востоке террористическая активность снизилась в 2 раза, в Южной Азии – на треть. Самые большие масштабы террористической деятельности зафиксированы в Афганистане. На этом фоне ситуация в России выглядит стабильной: за 5 лет активность терроризма снизилась более чем в 20 раз (Патрушев, 2018).

Тот факт, что обстановка в Российской Федерации в сфере противодействия терроризму остаётся сложной, но контролируемой правоохранительными органами, подтвердил и директор ФСБ России А.В. Бортников. На совместном заседании Национального антитеррористического комитета и Федерального оперативного штаба, состоявшемся 11 декабря 2018 г., он сообщил, что в результате реализации

комплекса мер в 2018 г. значительно снизилось число совершённых преступлений террористической направленности, сократилось количество терактов. Так, в ходе контртеррористических операций и отдельных оперативно-боевых мероприятий было нейтрализовано 65 боевиков, в том числе 10 главарей бандгрупп, задержано 36 главарей, 236 бандитов и 589 пособников. Пресечена деятельность 37 террористических ячеек, планировавших организовать теракты на территории республик Дагестан, Ингушетия, Чеченской Республики и Ставропольского края. Принят ряд мер по повышению эффективности предупредительно-профилактической работы. Скоординированная деятельность всех субъектов противодействия терроризму позволила не допустить террористических проявлений в ходе проведения выборов президента Российской Федерации и чемпионата мира по футболу 2018 г. По его словам, усилен контроль над миграционными потоками в целях предотвращения их использования террористами. МВД и Пограничной службой ФСБ России закрыт въезд в страну более 10 тыс. лиц, подозреваемых в причастности к террористической и экстремистской деятельности, а также не допущен выезд свыше 60 российских и иностранных граждан в зоны вооружённых конфликтов на Ближнем Востоке. Пресечена деятельность по распространению противоправной информации более 64 тыс. интернет-ресурсов, из которых свыше 47 тыс. содержали материалы, связанные с деятельностью международных террористических организаций (МТО). Комитетом разработаны организационные меры по противодействию финансированию терроризма и борьбе с незаконным оборотом оружия с учётом последних изменений в оперативной обстановке. Усилена уголовная ответственность за содействие террористической деятельности, а также за заведомо ложное сообщение о теракте, криминализована пропаганда терроризма (Режим доступа: [http:// www.nac.gov.ru/hublicacii/vystuplenija-i-intervju/](http://www.nac.gov.ru/hublicacii/vystuplenija-i-intervju/)).

Вместе с тем, подчеркнул А.В. Бортников, террористические угрозы, связанные с деятельностью МТО, сохраняются. Главари МТО не оставляют намерений по формированию на территории Российской Федерации законспирированных ячеек и реализации с их помощью своих преступных замыслов. Этому способствует пропаганда идеологии терроризма, в основном осуществляемая по телекоммуникационным каналам и ориентированная главным образом на молодёжь, включая несовершеннолетних. Наибольшее количество проявлений терроризма, как и прежде, фиксируется в Северо-Кавказском федеральном округе. При этом МТО предпринимают попытки распространения те-

рактивности и на другие регионы страны, в том числе привлекая в качестве исполнителей преступлений террористической направленности мигрантов из стран Центральной Азии (Режим доступа: <http://www.nac.gov.ru/hublicacii/vystuplenija-i-intervju/>).

В целях повышения эффективности противодействия перечисленным угрозам в 2019 г. директор ФСБ РФ потребовал выработать и реализовать комплекс мер по совершенствованию организации и координации деятельности всех субъектов противодействия терроризму. По его мнению, требуется обеспечить использование на регулярной основе результатов мониторинга политических, социально-экономических и иных процессов в целях своевременного выявления угроз террористического характера и оказания реального влияния на обстановку. Необходимо также наращивать усилия по дальнейшему сокращению террористической активности и недопущению её распространения на территории Российской Федерации, защите информационного пространства от идеологии терроризма. Следует придать больше системности организации межведомственного взаимодействия в работе по противодействию распространению радикальных взглядов в среде мигрантов и недопущению проникновения сторонников МТО на территорию России по миграционным каналам. Должно быть обеспечено снижение уязвимости потенциальных объектов террористических посягательств и мест массового пребывания людей. Наряду с неукоснительным соблюдением требований к антитеррористической защищённости объектов необходимо повысить уровень профессиональной подготовки и персональной ответственности специалистов, задействованных в её обеспечении. На плановой основе следует продолжить проведение мероприятий по нейтрализации террористических угроз на территории Северо-Кавказского федерального округа и снижению уровня радикализации его жителей, в том числе посредством активизации работы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области профилактики терроризма (Режим доступа: <http://www.nac.gov.ru/hublicacii/vystuplenija-i-intervju/>).

Как представляется, практически все вышеотмеченные положения выстроены в русле узкого подхода к блокированию терроризма, заключающегося в совершенствовании антитеррористического законодательства, укреплении спецслужб и силовых ведомств, противодействии финансированию терроризма и повышении эффективности идеолого-пропагандистской и разъяснительной работы среди населения.

Однако следует отметить, что терроризм выступает не просто в качестве обычного криминального деяния, но и, что очень важно, является особым, весьма опасным социально-политическим явлением. Его детерминируют многочисленные внешние и внутренние конфликтогенные факторы, причем более опасными являются внутренние. Среди них традиционно отмечают ключевые – политические, социально-экономические, демографо-миграционные и этноконфессиональные. При этом указанные группы факторов находятся в подпитывающем друг друга состоянии. Локализуя одни из них, но упуская другие, трудно рассчитывать на успех. В разное время те или иные из них выходят на первый план или отходят на второстепенные позиции. В настоящее время среди наиболее опасных внутренних конфликтогенных факторов специалисты выделяют социально-экономические, среди них – продолжающееся невероятное по масштабам имущественное расслоение и десоциализация государственной политики.

Как пишет известный российский политолог В.Ю. Крашенинникова, «именно по этой причине рейтинг власти в 2018 году пошёл вниз и без усилий внешних врагов – одними лишь решениями российской власти. С наступлением 2019 года объективных обстоятельств для роста протеста добавилось – опять же решениями российского правительства. Введение новых налогов – увеличение НДС на 2 %, налог на самозанятых 4 % (6 %) и повышение цен – ЖКХ на 4,1 %, на бензин, на парковку, другие поборы, вплоть до возможного “налога на колбасу”, плюс рост цен за счёт ослабления курса рубля – россияне в ближайшие месяцы почувствуют новую нагрузку на кошелек. И всё это вдобавок к повышению пенсионного возраста и обманутым ожиданиям на изменение курса после президентских выборов» (Крашенинникова, 2019). Этот же автор подчеркивает, что «справедливость и социальное государство – самые главные запросы граждан сегодня. Согласно соцопросам, две трети россиян с ностальгией отзываются о советской эпохе. И ностальгия эта – не по собственной молодости, как хотят внушить пропагандисты, и не по пломбиру за 19 копеек. Люди хотят качественного бесплатного образования и здравоохранения, равенства перед законом, справедливого распределения доходов. Декабрьский доклад-исследование ряда специалистов “Осенний перелом в сознании россиян: мимолётный всплеск или новая тенденция?” отмечает к тому же резкое усиление нематериальных потребностей, таких как свобода, уважение, честные выборы» (Крашенинникова, 2019).

Таким образом, что касается проблемы надежного блокирования терроризма, то, как представляется, следует задействовать широкий и

узкий подходы в решении этой проблемы, к тому же необходимы и дальнейшие фундаментальные и прикладные исследования по исламской и исламистской проблематике на Юге России. Без государственной поддержки не обойтись. Все вышеизложенное, безусловно, требует повышения качества исламских исследований в нашей стране, о чем в свое время предупредил Юрий Андреевич Жданов.

Литература

Во Франции заявили о снижении терактов в мире. Режим доступа: <http://www.ncpti.su/news/6772/>.

Вступительное слово председателя НАК, директора ФСБ России А.В. Бортникова на совместном заседании НАК и ФОШ. Режим доступа: <http://www.nac.gov.ru/hublicacii/vystuplenija-i-intervju/vstupitelnoe-slovo-predsedatelya-nak-1.html>.

Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. М.; Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2014. 332 с.

Добаев И.П. Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: сущность, практика, опыт противодействия // Ориентир. 2010. Ноябрь.

Крашенинникова В.Ю. Турбулентность: кто за нее в ответе? // Литературная газета. 2019.

Патрушев: В 2018 году в России был совершен один теракт. Режим доступа: <http://www.ncpti.su/news/6772/>.

References

In France, the reduction of terrorist attacks in the world was announced. Available at: <http://www.ncpti.su/news/6772/>.

Opening remarks by the Chairman of the NAC, Director of the FSS of Russia A.V. Bortnikov at a joint meeting of the NAC and FOH. Available at: <http://www.nac.gov.ru/hublicacii/vystuplenija-i-intervju/vstupitelnoe-slovo-predsedatelya-nak-1.html>.

Dobaev, I.P. (2014). The radicalization of Islam in modern Russia. M., Rostov n/D.: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya.

Dobaev, I.P. (2010). Modern terrorism in the world and in the North Caucasus: essence, practice, experience of counteraction. *Orientir*.

Krashennnikova, V.Yu. (2019). Turbulence: who is responsible for it? *Literaturnaya gazeta*.

Patrushev: In 2018 in Russia, was committed one terrorist attack. Available at: <http://www.ncpti.su/news/6772/>.

Поступила в редакцию

20 июня 2019 г.